

ФЕНОМЕН МУДРОСТИ В ТРАДИЦИОННОМ БЕЛОРУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Словосочетание «народная мудрость» получило в современном обществе достаточно широкое распространение. Его часто можно встретить в различных изданиях научного характера, увидеть на страницах газет и журналов, услышать на научных форумах и в быту. Чтобы проникнуть в сущность данного понятия, народную мудрость следует рассматривать в тесном сопряжении с культурой и национальными особенностями огромных масс людей. Вместе с тем, между ней и массовой культурой, «образцы» которой сегодня агрессивно вторгаются в народную жизнь, существует серьезное отличие. Массовая культура создается для масс, но не творится ими. Поэтому массовая культура не является естественным и зрелым плодом глубинного процесса народной жизни. Она не способна сформировать высокие жизненные образцы, тиражируя лишь тип индивида-потребителя, так называемого «*homo consumens*».

Характеризуя народ как субъект традиционной культуры и ее своеобразной квинтэссенции народной мудрости, мы склонны придерживаться точки зрения, согласно которой этот субъект представляют трудящиеся массы. В исторической ретроспективе их культура проявляется преимущественно как крестьянская, протонародная, традиционная.

Многие исследователи связывают сегодня народную мудрость с различными жанрами устного творчества народа. В связи с этим отметим, что слово «фольклор», вошедшее в научный обиход с середины XIX в., переводится изначально как «народная мудрость», «народное творчество», «народное знание». Как правило, в большинстве трудов западных и отечественных ученых этот термин распространяется на все жанры устного народного творчества – былины, сказки, загадки, песни, заговоры, пословицы, поговорки и др. Более широкий взгляд на фольклор предполагает включение в него артефактов не только духовной, но и материальной культуры, таких, например, как гончарное и кузнечное дело, ткачество, вышивание, резьба по дереву и т. п. В результате феномен народной мудрости, заявляющий о себе в фольклоре, предстает в виде достаточно сложной системы духовных и материальных образований, уходящих своими корнями еще в родовую эпоху.

Большинство современных ученых феномен мудрости склонны связывать с глубоким умом человека, его богатым жизненным опытом. На этом также акцентируется внимание в ряде словарей белорусского и русского языков. Вместе с тем, подобное сопряжение указывает на то, что ис-

токи народной мудрости следует искать не в теоретико-познавательной сфере, а в сфере вненаучного, на уровне обыденного сознания. Последнее, выполняя познавательную, мировоззренческую, ценностную и другие функции, выступало как хранилище практического опыта, в котором обнаруживали себя жизненно важные ценности и нормы. Выкристаллизовываясь в русле обыденного сознания, народная мудрость представляла собой весьма сложный диалектический процесс, обусловивший в ходе осуществления людьми различных актов жизнедеятельности накопление и закрепление необходимых для них и последующих поколений образцов опыта. Крупицы этого опыта отбирались и отшлифовывались в сознании индивидов как отвечающие здравому смыслу большинства людей, постепенно обретая при этом выразительную и удобную для запоминания форму. Народная мудрость заявляла о себе как о своде важнейших жизненных правил, касающихся всего универсума человеческого бытия, никогда не утрачивающих своей ценности во времени. Тем самым она не только сосредотачивала внимание человека на главном в эмпирической повседневности, но также создавала возможность увидеть целое и смысл за кажущейся дискретностью явлений и событий, проникнуть в диалектическую противоречивость всего окружающего. Это свидетельствовало о способности народной мудрости путем сопоставления различных явлений выделять в них посредством абстрагирования общие признаки и отбирать существенное: *«Скоры наспех людзям на смех», «Мера – усякаму дзелу вера», «Якой ракой пляць, такой і славай слыць»*. Народная мудрость не только стихийно-диалектически отражала окружающий мир, но также содержала в себе оценку явлений и процессов действительности: *«З вялікай хмары – малы дождж», «Як наладзіш, так і узарэш», «На крутое дрэва трэба круты клін»*. Обобщение тех явлений и процессов бытия, которые играли особую важную роль для социального субъекта, поднимало народную мудрость до высот общечеловеческих императивов. В первую очередь это касалось нравственной сферы. Так, с глубокой древности у народа подвергались осуждению жестокость, вероломство, жадность, зависть, трусость, лживость и другие нравственные пороки: *«Не так бойся чорта, як ліхога чалавека», «Завісьць не пойдзе ў карысьць», «Хто салжэ, таму веры няма»*. Народная мудрость противопоставляла всему этому требование сострадания, отзывчивости, великодушия, доброты, честности: *«Шчыраму сэрыу і чужая болька колка», «Літасць да неба даводзіць», «Што сказаў, то і святое»*. Все это свидетельствует о том, что генезис народной мудрости представляет собой поток сложных диалектических взаимопревращений материального и идеального на основе постоянно развивающейся общественной практики. Идеализация материального выступает в ней своеобразным переводом результатов практического опыта социума в русло предельно сжатых и отточенных обобщений, обретавших форму пословиц, поговорок, загадок и т. п.

Материализация идеального, в свою очередь, позволяла членам социума впоследствии «опредмечивать» эти зерна народной мудрости в новых практических действиях.

Возникнув и развиваясь в русле общих закономерностей развития обыденного сознания, в том его слое, где обнаруживается тенденция к преодолению эмпирии, народная мудрость не столько стремилась к выявлению новых гносеологических возможностей обыденного сознания, сколько, поднимаясь в своих обобщениях и выводах над житейским эмпиризмом, тяготела к формированию нравственных, эстетических, ценностных, мировоззренческих и других ориентиров в многообразной человеческой жизнедеятельности. Истины народной мудрости предлагали те образцы, которые принято называть в народе подлинными истинами жизни. В своем бытийствовании они были неотделимы от правды: *«Праўда добрымі людзьмі жыве», «На людзях праўда праўдзіцца», «Праўду гаворыць не язык, а душа».*

Таким образом, не совпадая, в силу своей специфики, с конкретными формами общественного сознания, такими, например, как мораль, философия, право, народная мудрость вместе с тем включала нравственные, философские, эстетические и другие элементы общественного сознания в свое синкретическое русло, преломляя их через призму здравого смысла и направляя человека по пути правды, добра и красоты.